Cahiers du MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe
Russie - Empire russe - Union soviétique et États indépendants

43/1 | 2002
Varia

«Ostzejskij vopros» vo vnutrennej politike rossijskogo pravitel´stva

Natal´ja S. ANDREEVA

OpenEdition Journals

Édition électronique
URL : https://journals.openedition.org/monderusse/8481
DOI : 10.4000/monderusse.8481
ISSN : 1777-5388

Éditeur
Éditions de l'EHESS

Édition imprimée
Date de publication : 1 janvier 2002
Pagination : 67-102
ISBN : 2-7132-1773-3
ISSN : 1252-6576

Référence électronique
Natal´ja S. ANDREEVA, « «Ostzejskij vopros» vo vnutrennej politike rossijskogo pravitel´stva », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 43/1 | 2002, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 04 septembre 2022. URL : http://journals.openedition.org/monderusse/8481 ; DOI : https://doi.org/10.4000/monderusse.8481

Tous droits réservés

CAIRN
chercher : repérer : avancer

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :
http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_431&ID_ARTICLE=CMR_431_0067

«Ostzejskij vopros» vo vnutrennej politike rossijskogo pravitel´stva

par Natal´ja S. ANDREEVA

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2002/1 - Vol 43
ISSN 1252-6576 | ISBN 2713217733 | pages 67 à 102

Pour citer cet article :
— S. ANDREEVA N., «Ostzejskij vopros» vo vnutrennej politike rossijskogo pravitel´stva, *Cahiers du monde russe* 2002/1, Vol 43, p. 67-102.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.
© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.
La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

НАТАЛЬЯ С. АНДРЕЕВА

«ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (начало XX в.)

Возникновение т.н. «остзейского вопроса» относится к 60-м годам XIX в., когда он был впервые поднят как проблема внутренней политики и активно обсуждался российской публицистикой; в то время и позднее под этим «вопросом» понимались, прежде всего, взаимоотношения центральной власти и национальной окраины, обладавшей особым статусом в составе государства. В хронологически более ранние периоды российской истории этого понятия не существовало, и проблема не привлекала к себе столь пристального общественного внимания. Фактором, оказавшим определяющее влияние на постановку «остзейского» и прочих «окраинных вопросов» (финляндского, польского, мусульманского и др.) стало польское восстание 1863 г. В данном случае свою роль сыграли и такие факторы, как осуществление «Великих реформ» в России и рост национального движения среди прибалтийских народов, выдвинувшие вопрос о необходимости проведения преобразований и в Остзейских губерниях. Немаловажное значение при этом имела и внешнеполитическая обстановка, сложившаяся вследствие объединения Германии, которая вызвала необходимость принятия определенных мер, направленных на укрепление безопасности государства.

Обострение существовавшего в Остзейских губерниях социального конфликта между «высшим» сословием — прибалтийскими немцами и «низшим» — эстонским и латышским населением края, тесно переплетавшегося с конфликтом межнациональным (поскольку одна этническая группа находилась в неравном положении по отношению к другой), привлекало пристальное внимание правительства к ситуации в крае. Причины этой ситуации коренились в глубоких изменениях, произошедших в социальной и национальной структуре Прибалтики в конце XIX – начале XX вв., которыми сопровождалось развитие капиталистических отношений. Быстрые темпы роста промышленности (особенно металлообрабатывающей и маши-

Cahiers du Monde russe, 43/1, Janvier-mars 2002, pp. 67-102.

ностроительной), появление крупных предприятий вызывали изменение демографической картины, в частности, в сторону увеличения городского населения за счет выходцев из деревни, в связи с чем доля немцев среди горожан неуклонно уменьшалась. Так, за сравнительно небольшой промежуток времени — с 1867 по 1897 гг. — число латышей в Риге возросло с 23,5 % до 41,64 %, эстонцев в Ревеле — за тот же период — с 51,8 % до 88,7 %[1]. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, урбанизационные процессы (и непосредственно связанные с ними изменения в национальном составе городского населения) ещё более углубились в связи с милитаризацией экономики, повлекшей за собою строительство оборонных сооружений и создание крупных военных предприятий.

Утверждение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Прибалтики, остававшейся в начале XX в. аграрным краем, усиливало социальную напряженность в деревне, где наиболее острой являлась проблема крестьянского малоземелья. К рубежу XIX-XX вв. в Эстляндской губернии 73,9 % составляли земли помещиков (крупное землевладение продолжало оставаться немецким), крестьянские земли — 23,7 %, государственные и других разрядов — 2,4 %; в Лифляндской губернии эти категории земель составляли соответственно — 54,3 %, 34,8 % и 10,9 %[2].

Экономическое развитие края сопровождалось глубокими социальными переменами — формированием пролетариата, ненемецкого по своему составу, национальной буржуазии и интеллигенции. Хотя немцы продолжали преобладать среди представителей свободных профессий, занимали ведущие позиции в предпринимательстве и банковском деле, их позиции постепенно теснили эстонцы и латыши.

Молодая эстонская и латышская буржуазия, не вписывавшаяся в рамки традиционного устройства прибалтийского общества, ведущая роль в котором принадлежала остзейскому дворянству и его корпоративным организациям, стала основной силой национального движения, направленного, прежде всего, против определяющего влияния немецкого дворянства в жизни края. Уравнение в политических и гражданских правах эстонского и латышского населения с немецким являлось его главным требованием. Возникнув в 1860-е годы, национальное движение к концу XIX в. расширилось и окрепло, его центр переместился из Петербурга в Прибалтику. К рубежу веков завершилось формирование эстонской и латышской наций, способствовавшее росту самосознания этих народов и их политической активности.

Характерным явлением начала XX в. явилось распространение в Прибалтике социал-демократических и марксистских идей, находивших здесь благоприятную почву: в 1904 г. была создана Латышская социал-демокра-

---

1. A. von Taube, E. Thomson, M. Garleff, «Die Deutschbalten — Schicksal und Erbe einer eigenständigen Gemeinschaft», в: W. Schlau, *Die Deutschbalten,* München, 1995, S. 80.

2. *История Эстонской ССР,* под. ред. А. Вассара и Г. Наана, т. 2, Таллинн, 1966, с. 351.

тическая партия, в том же году — Ревельский комитет РСДРП, в 1905 г. — Эстляндская социал-демократическая рабочая партия.

Прибалтийско-немецкая среда, в целом, была невосприимчива к этому радикальному политическому направлению, её высший слой оставался консервативным, но среди буржуазии, особенно рижской, набирало силу либерально-демократическое течение. Правительственные мероприятия в крае конца 80-х гг. XIX в., а также рост эстонского и латышского национализма явились основными факторами, побудившими остзейских немцев консолидироваться и способствовали усилению их политической активности. Следует отметить, что прибалтийские немцы не являлись однородной социальной группой; для них было характерно строго соблюдавшееся сословное деление на буржуазию, литераторов (лица «свободных професий» с академическим образованием — творческая интеллигенция, юристы и т.д.) и дворянство. Процент рабочих и крестьян (к ним можно отнести колонистов Гиршенгофской волости Лифляндской губернии; по данным на 1914 г. их насчитывалось 8 тыс. человек, из которых в колонии проживало только 1570) среди прибалтийских немцев был крайне незначителен[3].

Существенное воздействие на дальнейшую судьбу прибалтийских немцев оказала революция 1905-1907 гг. Как отмечает американский историк К. Л. Лундин (C. L. Lundin), в их среде было глубоким ощущение коллективного травмирующего опыта, ибо они впервые осознали насколько сильно их ненавидят эстонцы и латыши[4]. Революционные события усилили отчуждение между этими народами и немцами. В среде же последних они породили тенденцию к объединению. Манифест 17.10.1905 г., провозглашавший свободу общественных организаций, послужил толчком к пробуждению политической активности прибалтийских немцев, которая вылилась в создание политических партий и национальных обществ.

Одной из первых была образована (27.10.1905 г.) Прибалтийская конституционная партия октябристского направления с центром в Риге, объединившая дворянство, немецкую городскую буржуазию, к которым примкнула консервативная часть эстонской и латышской буржуазии и некоторые представители русской. Существование внутри нее двух течений — консервативного и лево-либерального привело к расколу и образованию в 1906 г. «Немецкого либерального клуба»[5].

В ноябре 1905 г. были основаны Конституционная партия в Эстляндии, Монархическо-конституционная — в Курляндии и Либерально-конституционная партия в Либаве, просуществовавшие вплоть до Первой мировой войны. Они представляли собой самостоятельные политические организации, имели одинаковую социальную базу и близкие программы, общий

3. A. von Taube, E. Thomson, M. Garleff, *art. cit.*, S. 40.

4. C. L. Lundin, «The road from Tsar to Kaiser: changing loyalities of the Baltic Germans, 1905-1914», *Journal of Central European Affairs,* 10, 3, Oct. 1950, p. 235.

5. В. Троицкий, «Прибалтийская окраина (Политико-социальные нужды — национальные отношения — задачи русской государственности)», *Русская мысль,* 8, 1911, с. 82.

координационный центр, функции которого выполняло руководство Прибалтийской конституционной партии. С целью согласования их деятельности в 1910 г. был создан Союз прибалтийских конституционных партий[6].

Прибалтийские немцы проживавшие в Петербурге, принимали активное участие в основании немецкой группы «Союза 17 октября», являвшейся самостоятельной организацией в рамках «Союза» (существовала также аналогичная московская группа). Её характерной чертой была национальная и религиозная толерантность, поскольку членом группы мог стать любой русский подданный вне зависимости от национальности и вероисповедания (следует отметить, что в этой группе наряду с немцами состояло немало русских)[7].

Деятельность Рижского либерального клуба (существовавшего в 1909-1913 гг.) прокадетской ориентации, в свою очередь, свидетельствовала о возможности политического сотрудничества представителей различных национальностей Прибалтики. Клуб являлся центром группировок либералов, объединившим часть бывших членов Латышской конституционно-демократической партии, распавшейся в 1906 г., группу рижских русских и еврейских кадетов, а также немецких либералов. Первым его председателем был избран князь С. П. Мансырев (избранный затем депутатом IV Государственной думы)[8].

Процесс политической консолидации наблюдался среди эстонской, латышской и местной русской буржуазии. Наиболее значительными их организациями стали Эстонская народная партия прогресса, возглавлявшаяся Я. Тыниссоном (её программа была близка к кадетской), Латышская партия реформ октябристского направления, правооктябристский Русско-прибалтийский Союз 17 октября во главе с И. И. Высоцким; к правительственному лагерю примыкала Латышская народная партия. Помимо этого в Прибалтике действовали местные отделения ряда всероссийских партий как революционных, так и буржуазных: эсеров, Бунда, октябристов, кадетов.

Тенденция к объединению среди прибалтийских немцев проявилась также в создании «Немецких обществ» (они стали самыми массовыми политическими организациями прибалтийских немцев: в 1908 г. общая численность членов обществ всех трех провинций достигла своего максимума, составившего 37 тыс. человек)[9]. Идея их основания принадлежала секре-

---

6. Т. Карьяхярм, *Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905 – 1917 гг.*, Таллинн, 1987, с. 95.

7. Государственный архив Российской федерации (далее — ГАРФ), ф. 115, оп. 1, д. 17, л. 6 об.–7; там же, ф. 573, оп. 1, д. 1317, л. 45.

8. И. Э. Ронис, «Либерально-буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций 1901 – 1917 гг.», Автореф. дис. … доктора исторических наук, Таллинн, 1989, с. 36; Он же, «Politische Organisationen in Lettland (1909 – 1914)», in A. Loit, ed., *The Baltic countries 1900 – 1914: Proceedings from the 9th Conference on Baltic studies in Scandinavia, Stockholm, June 3-6 1987,* Stockholm, 1990, 5:1, p. 154.

9. R. Wittram, *Baltische Geschichte,* München, 1954, S. 234.

тарю эстляндского рыцарства барону Э. фон Штакельбергу-Сутлем[10]. Прообразом этих организаций послужили «Общество Килиманджаро», которое возникло в 1892 г. в Риге и объединило националистически настроенные круги молодых рижских литераторов, группировавшихся вокруг Э. Серафима и редактировавшейся им *Düna-Zeitung*, а также *Euphony Club* (основанный в 1797 г.). Под непосредственным руководством этого «Общества» он превратился в феврале 1904 г. в первую националистическую организацию рижских немцев[11].

Возникшие в 1906 г. «Немецкие общества» ставили перед собой задачу сохранения и укрепления диаспоры в культурном и экономическом отношении. Для ее достижения предусматривалась широкая программа мероприятий, направленных на развитие и поддержание немецких учебных заведений, научной, культурной и экономической деятельности прибалтийско-немецкого населения.

В тоже время деятельность этих организаций не ограничивалась одной лишь областью культуры и просвещения. Так, анализируя деятельность «обществ», Г. фон Пистолькорс опроверг существовавшую в германской историографии точку зрения, согласно которой они рассматривались как своего рода защитная реакция стремившегося к самосохранению национального меньшинства. Тот факт, что лица, возглавлявшие «Немецкие общества»: барон Э. Штакельберг-Сутлем (руководитель эстляндского «общества»), М. фон Сиверс-Рёмерсхоф (глава лифляндского, зять Э. Штакельберга) и барон К. Мантейфель-Кацданген (курляндского) являлись носителями крайних антирусских настроений, свидетельствовал, по мнению исследователя, прежде всего, о политическом характере возникновения «обществ»[12]. Это заключение представляется полностью обоснованным, принимая во внимание дальнейшую деятельность этих организаций.

---

10. S. Broedrich, *Kampf um deutschen Lebensraum. Erinnerungen,* [Buchholz], [1987], S. 241.

11. A. Henriksson, *The Tsar's loyal Germans. The Riga German community: social change and the nationality question, 1855-1905,* New York, 1983, pp. 60, 113.

12. G. von Pistohlkors, «Führende Schicht oder nationale Minderheit?», *Zeitschrift für Ostforschung,* 21, 1972, S. 603. См. также: Он же. «Zielkonflikte deutschbaltischer Politik nach der revolutionären Kriese von 1905. Zur Beurteilung der "Anleiheaktion" der Livländischen Ritterschaft und der Stadt Riga in Berlin in den Jahren 1906/07», in *Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917,* hrsg. A. Ezergailis, G. von Pistohlkors. Köln-Wien, Böhlau, 1982, S. 130-140; Г. фон. Пистолькорс, «Прибалтийско-немецкие соображения после революционного кризиса 1905 г. относительно переориентации лояльности в сторону Германии», в: *Германия и Прибалтика. Сборник научных трудов,* под ред. М. М. Духанова, Рига, 1983, сс. 75-90. Несмотря на опровержение Г. фон Пистолькорсом точки зрения о «защитном» характере возникновения «Обществ», о которой говорилось выше, она продолжает далее существовать в современной германской историографии. Так, в частности, германская исследовательница У. фон Хиршхаузен называет прибалтийско-немецкий национализм «оборонительным», по ее мнению, для балтов он выступал как антисословная интеграционная идео-

Следует отметить, что политическая деятельность «обществ» не была особенно успешной[13]. Прежде всего потому, что эти организации не отражали настроений широких слоев остзейского общества, и поэтому не пользовались его полной поддержкой. Существовавшая среди балтийцев ориентация на Российскую империю и приверженность традиционной политической линии, заключавшейся, прежде всего, в отстаивании местных интересов, затрудняли перестройку идеологии на основе всенемецкой идеи. Сказалось также и то, что германское правительство не поддерживало деятельность лидеров «обществ»[14].

По мнению германского консула в Риге В. Онессайта, высказанному им в донесении 13.11.1908 г., «общества» являлись выразителями националистических взглядов узкого круга лиц, преследовавшего, собственные политические цели[15]. Однако, возникновение «обществ» нельзя целиком свести к одной лишь политической авантюре их лидеров, стремившихся манипулировать прибалтийско-немецким обществом в личных интересах. Учитывая массовость членства в них, можно сказать, что, напротив, появление этих организаций было весьма показательным фактом, свидетельствовавшим об усилении среди прибалтов националистических настроений.

В целом, тенденции, наметившиеся в общественной жизни края, в предвоенные годы углубились: эстонское и латышское национальные движения значительно радикализовались, а прибалтийские немцы продолжали сохранять свои ведущие позиции. Ситуацию изменило начало Первой мировой войны, ставшей концом традиционного положения остзейцев.

1. Остзейские губернии в административной системе Российской империи

Прибалтийские губернии, как уже говорилось выше, пользовались особым статусом в составе государства. Такое их положение поддерживалось немногочисленной[16], но наиболее влиятельной в крае национальной груп-

---

логия и поэтому обладал прогрессивным характером. См. U. von Hirschhausen, «Die Wahrnehmung des Wandels: Migration, soziale Mobilität und Mentalitäten in Riga 1867-1914», *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*, 48, 4, 1999, S. 521-522.

13. A. von Taube, E. Thomson, M. Garleff, *art. cit.*, S. 82.

14. C. L. Lundin, *art. cit.*, p. 223.

15. Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (Политический архив МИД ФРГ, Бонн; далее — PA AA) Rußland, №64, Bd. 21, S. 16 об. В делах Политического архива МИД отсутствует пагинация, поэтому ссылки на страницы даны условно.

16. По различным данным численность прибалтийских немцев в начале XX в. составляла около 6 %-9 % от общей численности населения края. См. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XXV, СПб.,

пой — прибалтийскими немцами (точнее их высшим слоем-дворянством). В связи с этим, любая попытка разрешения «остзейского вопроса», рассматривавшегося правительством в качестве основной задачи всей прибалтийской политики, ставила его перед необходимостью проведения в крае ряда мероприятий, затрагивавших, в первую очередь, коренные интересы остзейских немцев.

Юридическим обоснованием особого статуса Прибалтики служил *Свод местных узаконений губерний Остзейских,* закрепивший специфические черты административного устройства края. Они заключались в том, что функции местного управления осуществлялись здесь органами дворянства наряду с правительственными учреждениями. Несмотря на неуклонное с конца XVIII в. расширение сферы компетенции последних, губернатор, являвшийся представителем центральной власти, был вынужден действовать (вплоть до начала Первой мировой войны) так, чтобы не нарушать привилегий дворянства. В целом до 1914 г. Остзейские губернии управлялись на основании *Свода местных узаконений* и особо для них изданных законов (включавшихся в продолжение *Свода*). Однако, в XIX в. наметилась тенденция (на нее указывал, в частности, правовед барон Б. Э. Нольде) замены местного права общеимперским[17], что являлось одним из способов постепенного объединения Прибалтики с коренными Российскими губерниями.

Прибалтийскому дворянству принадлежала определяющая роль во внутренней жизни края. Несмотря на то, что реформы конца 80-х г. XIX в. значительно урезали компетенцию рыцарств (дворянских организаций) — из их ведения были изъяты судебные дела, полиция, а также руководство сельскими школами, — она все же оставалась достаточно широкой. Рыцарства продолжали пользоваться важными, как они именовались в публицистике, «политическими правами»: правом участия в управлении лютеранской церковью губерний и империи (ряд ее высших должностей замещался представителями прибалтийского дворянства), и руководства земским делом.

Прибалтийское дворянство, в отличие от дворянства внутренних губерний, пользовалось широким самоуправлением. Компетенция ландтага (собрания дворян губернии), составлявшего основу органов самоуправления этого сословия (за исключением Курляндии, где наиболее важная роль принадлежала приходским собраниям), не ограничивалась; предметом его совещаний могли быть все без исключения вопросы, касавшиеся дел корпорации и жизни края в целом. Согласно действовавшему законодательству, принятые ландтагом решения по сословным делам не подлежали

1898, cc. 110-111; H. Bauer, A. Kappeler, B. Roth, *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897,* Stuttgart, 1991, Tabelle 005.

17. Б. Э. Нольде, *Очерки русского государственного права,* СПб., 1911, с. 409.

утверждению со стороны губернских властей и сообщались им только для сведения[18].

Существование дворянской кассы, пополнявшейся посредством самообложения членов корпорации, и доходы, поступавшие от «имений рыцарства» (имений, пожалованных на содержание дворянских чиновников), гарантировали финансовую независимость дворянских организаций. Предоставленное им право непосредственного обращения (фактически законодательной инициативы) к местному начальству, Министру внутренних дел, а в наиболее важных случаях и к императору обеспечивало остзейскому дворянству широкую автономию в вопросах сословного самоуправления[19].

В то же время, по правовому положению в составе общества прибалтийское дворянство образовывало две неравноправные группы: к одной, немногочисленной, относились представители т.н. имматрикулированных (или матрикулованных) родов, то есть внесенных в матрикулу — дворянскую родословную книгу (каждое из четырех рыцарств — Эстляндское, Лифляндское, Курляндское и Эзельское — имело свою матрикулу). Они именовались рыцарством, в отличие от нематрикулированных дворян — ландзассов (называвшихся также земством); в 1863 г. для этой категории были созданы особые родословные книги, отличные от матрикул[20]. По данным, приведенным М. М. Духановым, к началу 80-х г. XIX в. внесенных в матрикулы фамилий насчитывалось: в Лифляндии — 405, в Эстляндии — 335, в Курляндии — 336, на острове Эзель — 110[21]. Рыцарство обладало всею полнотою прав в составе корпорации — должности по дворянскому самоуправлению замещались только из числа его представителей (при условии, что они владели дворянскими вотчинами), за исключением некоторых малозначительных, таких как должность казначея (её могли занимать лица всякого состояния), светского члена Генеральной консистории и некоторых других[22]. Матрикулованные дворяне, не владевшие вотчинами, не допускались до участия в самоуправлении, за исключением Курляндии, где в делах корпорации участвовали представители рыцарства, не являвшиеся собственниками вотчин, но имевшие доход равный 4 200 руб. серебром[23].

Ландзассы, владевшие рыцарскими имениями, в каждом из трёх дворянских обществ пользовались разным объемом прав; так, в Лифляндии

---

18. *Свод местных узаконений губерний Остзейских,* ч. II, СПб., 1845, сс. 122, 254, 328.

19. *Там же,* с. 34.

20. *Полный свод законов Российской империи* (далее *ПСЗ*), II, т. 38, СПб., 1866, № 39845.

21. М. М. Духанов, *Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии,* Рига, 1978, с. 38.

22. *Свод местных узаконений губерний Остзейских, указ. соч.,* ч. II, сс. 364, 380, 450, 501.

23. *Там же,* сс. 98, 211, 276.

с 1841 г. им было предоставлено право голоса на ландтагах по вопросам о дворянских складках (взносы в порядке самообложения, часть которых шла на удовлетворение земских нужд), в Эстляндии они обрели это право в 1866 г., в Курляндии — в 1870 г[24]. Указами 18.02. и 5.11.1866 г. лицам всех сословий христианского вероисповедания разрешалось приобретать в Курляндии и Лифляндии недвижимость любого рода (в том числе и рыцарские вотчины), на Эстляндию и Эзель эта мера была распространена в 1869 г.[25]. Последовавшими в 1871 и 1881 гг. указами, в виде временной меры (позднее не отмененной), до участия в Лифляндском ландтаге допускались владельцы вотчин — не дворяне с правом личного голоса, за исключением вопросов, относившихся к внутренней жизни корпорации, таких как выборы дворянских чиновников, внесение в матрикулу, исключение из нее и т. д.; лицам всех сословий предоставлялось право быть избранными на должности по самоуправлению, кроме руководящих (предводителя, ландратов, уездных депутатов), а так же за исключением должностей, замещавшихся дворянскими чиновниками[26]. В Курляндии это узаконение вступило в силу в 1870 г., здесь из среды не-дворян разрешалось избирать депутатов на ландтаг[27].

Существование института матрикуляции дискриминировало представителей дворянства коренных губерний, проживавших в Прибалтике, поскольку внесение в матрикулу и, соответственно, обретение ими права участия в самоуправлении зависело от решения ландтага, тщательно оберегавшего корпорацию от проникновения в нее «чужаков» (матрикулованных русских дворянских фамилий было крайне мало). Полноправным членом корпорации становилось лицо, высочайше пожалованное дворянской вотчиной в одной из Прибалтийских губерний, в этом случае его род сразу же вносился в местную матрикулу, и согласия ландтага для этого не требовалось[28]. Однако, вотчины в Прибалтике жаловались не часто. Требование уравнения в правах рыцарства и нематрикулованного дворянства неоднократно высказывалось в публицистике, его справедливость признавалась и правительственными кругами, видевшими в существовавшем порядке нарушение прав, законодательно предоставленных российскому дворянству[29]. К разработке соответствующих мер правительство при-

24. *Там же,* с. 100; *ПСЗ,* II, т. 41, Отд. I и II, СПб., 1868, № 43030, 43965; *Там же,* т. 45, Отд. I, СПб., 1874, № 48424.

25. *Там же,* II, т. 41, Отд. I, СПб., 1874, № 49291; *Там же,* III, т. 1, СПб., 1885, № 512.

26. *Там же,* II, т. 41, СПб., 1868, № 43031, 43817; *Там же,* т. 44, СПб., 1873, № 47152.

27. *Там же,* II, т. 45, Отд. I, СПб., 1874, № 48424.

28. *Свод местных узаконений губерний Остзейских, указ. соч.,* ч. II, с. 11.

29. М. П. Погодин, *Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену,* М., 1869, с. 6; *Из архива князя С. В. Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885–1894),* т. 1, СПб., 1909, с. 180; П. Ф. Булацель, «Привилегии прибалтийского дворянства в силу закона и обычая», *Российский гражданин,* № 36, 9.10.1916, с. 2;

ступило только в 1915 г., в связи с подготовкой реформы прибалтийских дворянских организаций.

2. Правительственная политика по отношению к прибалтийским немцам (1905-1914 гг.)

Революционные события 1905-1907 гг., сопровождавшиеся волной насилия в отношении прибалтийских немцев, поставили перед правительством вопрос о необходимости скорейшего проведения в крае неотложных преобразований. Совет министров, обсудив ситуацию в Прибалтике в заседании 26.11.1905 г., признал причиной социальных потрясений, как указывалось в его мемории, «несовершенство экономических и юридических условий местной жизни», под которым понималось наличие значительного числа безземельных крестьян, сосредоточение руководства земским делом в руках дворянских учреждений, устранение местного населения от участия в церковных делах, существование права патроната, несоответствие интересам народа чуждой ему по языку школы[30].

В религиозной сфере сильнейшее недовольство эстонцев и латышей вызывало право патроната. Оно представляло собой совокупность прав и обязанностей, принадлежавших определенному лицу (владельцу вотчины или казне — в казенных патронатах) в отношении церкви, наиболее важным из которых являлось т.н. «право представления», т.е. право предлагать высшей духовной власти кандидата на замещение места проповедника[31]. Поскольку со стороны консисторий отказов в утверждении предложенных таким образом кандидатур не встречалось, то общественным мнением право патроната определялось как право помещика назначать пастора (несмотря на неверность формулировки, суть явления была четко выражена).

Право патроната уже к середине XIX в. порождало множество проблем и питало межнациональную рознь. Основной протест прихожан был направлен против права представления: они видели в нем нарушение основополагающих догматов лютеранской церкви и умаление своих прав. Наряду с патронами прихожане содержали церковь и духовенство, и поэтому требовали предоставления равного участия в делах церкви.

Для скорейшего решения всех перечисленных выше проблем, которое, как предполагалось правительством, наряду с репрессивными мерами, внесет успокоение в жизнь края, высочайшим указом 28.11.1905 г. создавалась должность временного прибалтийского генерал-губернатора (упраздненная 15.04.1909 г.), и при нем совещание для разработки проектов реформ (идея

Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 1282, оп. 2, д. 26, л. 138; А. А. Башмаков, *За смутные годы. Публицистические статьи и речи А. А. Башмакова,* СПб., 1906, сс. 42, 129.

30. РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 283, л. 39 об.

31. *Там же,* оп. 150, д. 309, л. 46.

его создания принадлежала остзейскому дворянству)[32]. Генерал-губернатором, по рекомендации С. Ю. Витте, был назначен генерал-лейтенант В. У. Соллогуб, замененный вскоре А. Н. Меллер-Закомельским.

Первое заседание Особого совещания состоялось только 12.06.1906 г. В его состав вошли представители дворянства, городских дум губернских городов и крестьянства, также к работе привлекался ряд лиц, компетентных в рассматривавшихся вопросах с правом совещательного голоса. Свою деятельность Совещание завершило 29.09.1907 г., разработав проекты реформ земского самоуправления, школьной, крестьянского общественного управления, преобразования приходских учреждений евангелическо-лютеранской церкви и предположения по вопросу о земельных отношениях. Законопроекты и материалы Совещания легли в основу дальнейшей работы над реформами для Прибалтийского края, которая велась Министерством внутренних дел вплоть до февраля 1917 г.

Экспансионистские настроения германских кругов по отношению к Прибалтике и деятельность лидеров «Немецких обществ», направленная на установление контактов с правящими кругами Германии[33], а также организованное «обществами» переселение немецких колонистов из Поволжья и Волыни в Прибалтику с целью укрепления диаспоры (за период с 1909 г. по 1914 г. туда было переселено около 15-20 тыс. человек)[34], вызывали серьезную обеспокоенность российского правительства. В 1908 г. оно предприняло попытку ослабить немецкое влияние в Прибалтике и заменить его русским. Переписка П. А. Столыпина, занимавшего должности Министра внутренних дел и председателя Совета Министров, и временного прибалтийского генерал-губернатора А. Н. Меллер-Закомельского раскрывает основные цели правительственного курса в отношении Прибалтики в этот период. Его главная задача заключалась в достижении полного слияния Остзейских губерний с Россией, под которым понималась отнюдь не «денационализация» (т.е. ассимиляция) инородческого населения (П. А. Столыпин в письме А. Н. Меллер-Закомельскому от 16.03.1908 г. подчеркивал, что правительство никогда не стремилось к «денационализации» проживавших в государстве народов), а его мирное приобщение к государственной жизни и возможное сближение с русской обществен-

32. *Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Сборник документов и материалов,* Таллинн, 1955, сс. 437-438.

33. Подробно об этой деятельности см. G. von Pistohlkors, «Zielkonflikte deutschbaltischer Politik», *art. cit.,* S. 130-140.

34. W. Schlau, «Zur Wanderungs- und Sozialgeschichte der baltischen Deutschen», in *Die Deutschbalten, op. cit.,* S. 41. Организаторы акции по переселению колонистов, как указывал один из них — М. фон Сиверс — в документе озаглавленном «Мемория к вопросу о поселении российских немецких колонистов в прибалтийских провинциях и в Германии» (эта записка была составлена 6.03.1907 г., предположительно с целью информирования германского внешнеполитического ведомства) видели только один путь сохранения немецкой диаспоры в Прибалтике, а именно посредством «усиления» немечества или германизации края, вытеснением латышей и эстов. PA AA, Rußland, № 64, Bd. 21, S. 39.

ностью при условии сохранения религиозных и национальных особенностей[35].

Достижению поставленной задачи должны были служить увеличение численности русского населения в крае за счет его переселения из внутренних губерний на казённые земли и комплектование местной администрации по национальному принципу: циркуляром Министра внутренних дел от 10.02.1908 г. предписывалось преимущественное назначение русских на правительственные должности в Прибалтийских губерниях[36]. Необходимость такого кадрового подбора, по мнению правительства, обусловливалась задачей охраны на окраинах русских государственных интересов, которая была возложена на органы местной администрации[37].

С критикой этих планов выступил А. Н. Меллер-Закомельский, точка зрения которого отражена в его письме к П. А. Столыпину 14.02.1908 г. По его мнению, в действительности, никакой угрозы государственным интересам в Прибалтике не существовало. Её колонизация русскими переселенцами не принесла бы желаемых результатов, поскольку, по его словам: «русские не только ополячиваются и онемечиваются, то есть подчиняются лучшей в культурном отношении народности, но даже обурятиваются и оякутиваются в Сибири, то есть подпадают под влияние низшей по культуре расы», преимущественное же перед эстонским и латышским населением наделение их землёй ещё более обострило бы аграрный вопрос, что, в свою очередь, было чревато новыми социальными потрясениями,

35. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 20, л. 40.

36. *Там же*, ф. 1282, оп. 1, д. 719, л. 135; ф. 1276, оп. 4, д. 70, л. 55 об; ф. 1276, оп. 4, д. 20, л. 14. В статье американского историка М. Хагена «Русификация посредством "демократизации"? Гражданская служба в Прибалтике после 1905 г.» рассмотрено одно из направлений административной политики П. А. Столыпина, связанное с преимущественным назначением русских на правительственные должности в Прибалтийском крае (M. Hagen, «Russification via "democratization"? Civil service in the Baltic after 1905», *Journal of Baltic studies,* IX, 1, 1978, pp. 56-66). Однако автор данной публикации не упоминает такой важный для заявленной темы документ как циркулярное письмо Министра внутренних дел 10.02.1908 г., которым и ознаменовалось начало новой кадровой политики; в статье историка не указаны конкретные итоги этой политики, заключавшиеся в том, что при анализе затребованных от глав ведомств сведений о назначениях чиновников в Остзейские губернии выяснилось, что большинство из них и до появления циркуляра составляли русские. Никаких документально подтвержденных сведений о том, что кто-либо из представителей местной администрации был уволен от должности вследствие своего нерусского происхождения и заменен природным русским не имеется. Не вполне верны предположения автора статьи об инициаторах этой кадровой политики, в качестве таковых он указывает: центральное правительство и придворные влияния, почин же самого П. А. Столыпина в данном вопросе не кажется М. Хагену доказанным. На самом деле, в сущности, инициатором циркуляра выступил лично Николай II, указав П. А. Столыпину на статью в газете *Окраины России,* в которой отмечалось ослабление русского влияния в Прибалтийском крае и предлагались меры, направленные на его укрепление.

37. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 20, л. 41.

несомненно усилившими бы прогерманские настроения среди прибалтийских немцев[38].

В результате действий А. Н. Меллер-Закомельского, намерения правительства получили широкую огласку: копии циркуляра 10.02.1908 г. и своего письма он переслал главе канцелярии прошений на высочайшее имя А. А. фон Будбергу, который передал их эстляндскому предводителю дворянства Э. Н. Деллинсгаузену[39]. О циркуляре заговорили в газетах, хотя позднее его существование отрицалось, в том числе и самим А. Н. Меллер-Закомельским.

Намеченная правительством программа в полном объёме не была реализована не столько из-за её огласки, сколько по причине её, в целом, трудной осуществимости. Это стало очевидным после получения Министром внутренних дел, затребованных от губернаторов сведений о русском населении края, показавших, что оно не могло оказывать не только определяющего, но какого-либо вообще заметного общественного влияния, вследствие своей малочисленности и слабости экономической базы. Условия для масштабной колонизации отсутствовали, так как общая площадь казённых земель была невелика, а их большая часть представляла собой дорогостоящие мызы с многочисленными постройками и усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем или лесные дачи[40]. Все эти факторы, а также понимание того, что ни в экономической, ни в политической областях русское население никак не могло конкурировать с немецким, вероятно, и предопределили отход правительства от первоначально намеченной линии. Из предусматривавшихся мероприятий проводилось только переселение крестьянства в Прибалтику.

В целом, в период 1907-1914 гг. Министерство внутренних дел сосредоточило свое основное внимание на разрешении аграрного вопроса в Прибалтике и подготовке реформы сельского лютеранского прихода, первая редакция проекта которой была разработана Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в течение зимы 1907-1908 гг.

Согласно этой редакции, в отличие от проекта, выдвинутого Особым совещанием при временном прибалтийском генерал-губернаторе, право патроната сохранялось, но с ликвидацией права патронов избирать проповедников, чем, в сущности, весь смысл его дальнейшего существования для самих патронов сводился на нет. Право избрания проповедника переходило к церковному совету, состоявшему из церковных старшин. В их выборах участвовали представители различных категорий приходского населения, распределявшиеся, в соответствии с сословно-имущественным принципом, положенным в основу новой организации прихода, по трем избирательным собраниям: крупные и средние землевладельцы, арендаторы и безземельные, уплачивавшие добровольные взносы (не менее одного рубля в год

38. *Там же,* л. 29 об.

39. E. von Dellingshausen, *Kodumaa teenistuses,* Tallinn, 1994, Lk. 106.

40. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 20, л. 68.

в течении шести лет)[41]. От несения повинностей в пользу лютеранского духовенства освобождались казённые имущества и частные, принадлежавшие лицам иных исповеданий.

Одобренный Советом министров законопроект «Об упорядочени способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях» 7.12.1911 г. был представлен на рассмотрение Государственной Думы (составителем проекта был чиновник особых поручений при Министре внутренних дел А. С. Мамантов). Дума, в свою очередь, передала проект закона 10.02.1912 г. в финансовую комиссию и на заключение комиссии по направлению законодательных предположений, а 10.12.1912 г. — в комиссию по вероисповедным вопросам, где он рассматривался с 30.03. по 23.06.1913 г.

В отношении этого законопроекта комиссия придерживалась точки зрения о том, что основывавшееся на вековых обычаях церковно-приходское устройство Прибалтийского края следовало оставить в неприкосновенности там, где изменение не являлось настоятельно необходимым[42]. Исходя из этого, она высказалась против освобождения имущества казны от несения церковных повинностей, что совпадало с точкой зрения прибалтийского дворянства. Мотивируя свое решение, комиссия сослалась на тот факт, что государственные земли несли эти повинности в течение длительного периода времени; казна производила их уплату, несмотря на существование закона 1876 г., освобождавшего от них лиц не лютеранского вероисповедания[43]. По мнению Департамента духовных дел, отраженному в справке к законопроекту, данный вопрос носил принципиальный характер, так как признание за казной обязанности несения повинностей в пользу лютеранской церкви означало бы одновременное признание аналогичных обязательств и по отношению к другим неправославным церковным организациям[44].

Особое внимание Департамента привлек тот факт, что данная поправка в комиссии прошла дважды. Это, по мнению составителей упомянутой выше записки, являлось следствием ее состава: 11 (из 33) членов комиссии, принадлежало — за исключением председателя и одного члена — к иноверцам разных исповеданий и левым политическим партиям (в подкомиссии она была принята большинством в три голоса — за нее проголосовали двое лютеран и один католик, против — двое православных)[45]. Закономерность такого исхода голосования, как отмечалось в справке, обусловливалась отсутствием в составе комиссии представителей правых и умеренных политических партий, поскольку среди членов Думы данный законопроект

41. *Там же,* ф. 821, оп. 5, д. 898, л. 273.
42. *Там же,* оп. 133, д. 1041, л. 43.
43. *Там же,* д. 1091, л. 177 об.
44. *Там же,* д. 984, л. 275.
45. *Там же,* л. 275, 266.

расценивался как имеющий исключительно местное значение и, вследствие этого, не привлек внимания последних. Православное духовенство, по сведениям Департамента, воздерживалось от участия в обсуждении данного проекта из тактических соображений, намереваясь использовать создававшееся им привилегированное положение лютеранской церкви, как повод для возбуждения зревшего уже в течение долгого времени в его кругах вопроса об обеспечении государством православного духовенства и об установлении в Прибалтийском крае повинностного отношения казенных имуществ к православной церкви[46].

В итоге, Департаментом духовных дел иностранных исповеданий рассматривалась возможность отзыва законопроекта, поскольку характер поправки, сделанной вероисповедной комиссией, признавался им противогосударственным. Вместо него предполагалось внести другой проект закона, который основывался бы на началах исключительно добровольной материальной поддержки лютеранской церкви (это решение содержалось в черновом варианте справки, и из окончательного текста оно было исключено)[47].

В апреле 1913 г. законопроект был представлен на рассмотрение общего собрания Думы, но снят с очереди, а в декабре 1915 г. отозван Министерством внутренних дел для переработки на новых основаниях. В связи с намерением правительства распространить реформу и на Курляндию (чему отчасти способствовало заявление одиннадцати членов Думы 21.05.1913 г. о желательности ее проведения там), а также вследствие изменения ситуации в Прибалтике и полученных дополнительных данных[48].

Острота аграрного вопроса в Прибалтийском крае вынудила правительство в рассматриваемый период времени предпринять ряд мер, затрагивавших дворянское землевладение, в частности, такие два его вида, как родовые фидеикомиссы и имения рыцарств.

Перед правительством стояла задача урегулирования вопроса о поземельном устройстве крестьян-арендаторов участков из состава имений, принадлежавших дворянским обществам, которые не получили такового по законам 10.03.1869 г. «Об административном и поземельном устройстве крестьян казенных имений в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской» и 12.06.1886 г. «О преобразовании оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи»[49]. Указом от 3.03.1886 г. Министру земледелия и государственных имуществ предписывалось представить в Государственный совет соображения о применении правил 10.03.1869 г. к крестьянам рыцарских имений[50]. Проблема осложнялась позицией дворянства, считавшего, что предоставленное ему право вечного

46. *Там же,* л. 275 об.

47. *Там же,* л. 275 об.

48. *Там же,* ф. 1278, оп. 6, д. 142, л. 164-164 об.

49. *ПСЗ,* II, т. 44, Отд. I, 1869, СПб., 1873, № 46833; *Там же,* III, т. 6, СПб., 1888, № 3807.

50. *Там же,* III, т. 6, № 3552.

владения имениями равнозначно полной собственности, в связи с чем, по его мнению, к данным имениям не могли быть применимы правила об устройстве быта государственных крестьян[51]. Представители дворянства высказывались за то, чтобы им самим была предоставлена возможность разрешить вопрос по добровольному соглашению с крестьянами.

Министр земледелия А. С. Ермолов придерживался точки зрения о принципиальной необходимости определения объема прав дворянства на эти имения (впервые данный вопрос был поднят в начале 80-х годов XIX в. в ходе ревизии Прибалтийского края сенатором Н. А. Манассеиным). С этой целью при Государственном совете 8.03.1900 г. было образовано Особое совещание под председательством сенатора Н. Н. Герарда, действовавшее до 21.03.1901 г. Члены совещания занимали иную позицию, отличную от мнения предводителей дворянства, видевших в намерении правительства не только посягательство на права корпорации, но и действия, наносившие рыцарству материальный ущерб, т.к. часть крестьянских участков была к тому времени уже распродана, в частности, лифляндским дворянством безо всякого разрешения со стороны правительства (курляндское дворянство, получив таковое в 1867 г., с 1871 по 1882 гг. продало все крестьянские земли), причём продажа производилась на основании правил 6.09.1863 г., установленных для частных имений, более выгодных для дворянства, чем правила 10.03.1869 г.[52]

В записках совещания, анализировавших объем прав рыцарства на данную категорию имений, отмечалось, что, по смыслу указа 9.04.1798 г. «О размежевании земель Эзельской провинции», они были предоставлены дворянским обществам в бессрочную аренду на основании заключенных с казной соответствующих контрактов, платежи по которым производились вплоть до указа 1.06.1839 г., освободившего от них дворянство; однако, это отнюдь не означало предоставления ему имений в полную собственность: право владения ими ни шведским, ни русским правительством не рассматривалось как абсолютно вечное[53].

В итоге, Совещание пришло к заключению, что вопрос о поземельном устройстве крестьян следовало рассматривать вне зависимости от того, кому принадлежат имения, а основой для его разработки должны были стать правила 10.03.1869 г. об устройстве государственных крестьян, причём оговаривалось предоставление участков в собственность крестьян на правах обязательного выкупа с установлением выкупной цены не по соглашению между вотчинником и дворохозяевами, а законодательным порядком[54]. Предполагалось ограничить права рыцарств в отношении капиталов, вырученных от продажи участков, предоставив возможность

51. *Государственная дума, Созыв III, Сессия V. Земельная комиссия. Представления министров и доклады по ним* [Б.м., б.г.], с. 71 об.

52. РГИА, ф. 1230, оп. т. 16, д. 1, л. 30 об.

53. *Там же,* л. 27-31 об.

54. *Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Земельная комиссия, указ. соч.,* сс. 72-72 об.

свободно распоряжаться только процентами с них. Подобное правило распространялось и на суммы, полученные от уже состоявшихся выкупных операций, произведённых курляндским и лифляндским дворянскими обществами[55]. Эта мера должна была гарантировать стабильность материального положения рыцарств.

В соответствии с перечисленными принципами Министерство внутренних дел разработало и представило в 1904 г. в Государственный совет проект правил. Согласно этому проекту, обязательному выкупу подлежали участки повинностной и арендной земли имений рыцарства, а также часть отрезных земель, называвшихся «квотными» в Лифляндской губернии и «шестидольными» в Эстляндской; сама операция совершалась при участии казны[56]. Положительное значение имела предусматривавшаяся ликвидация вотчинных прав дворянских обществ на выкупленные участки (по местному законодательству, собственники частных имений в данном случае сохраняли за собой, при определенных условиях, следующие права: совоздмездного отчуждения или присоединения проданных крестьянам земель и право охоты)[57]. Это должно было гарантировать сохранение участков в руках крестьян (той же цели служило ограничение круга возможных покупателей участков исключительно лицами крестьянского сословия), а также признававшееся желательным прекращение (по завершении землеустройства) всех обязательных отношений между мызным управлением и бывшими арендаторами[58].

Государственный совет возвратил законопроект Н. В. Плеве в Министерство внутренних дел для внесения в Думу.

Предводители прибалтийского дворянства отнеслись отрицательно к намечавшимся мероприятиям правительства. В заключениях на проект они возражали против ликвидации вотчинновладельческих прав на продававшиеся участки, особенно права охоты, переходившего к приобретателю участка; сохранение данной привилегии за владельцем имения рассматривалось дворянством исключительно как мера против хищнического уничтожения дичи[59]. Их принципиальное несогласие вызывало устранение дворянских учреждений от участия в выкупной операции и от хранения вырученных сумм: согласно проекту, они должны были помещаться в Государственный банк, дворянство же требовало расширения прав распоряжения ими[60].

В заключении Министра внутренних дел А. Г. Булыгина от 30.04.1905 г. на законопроект анализировались замечания, высказанные дворянством; по его мнению, высказанные предводителями возражения по своему существу

55. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1059, л. 9 об.

56. *Там же,* ф. 1291, оп. 62, д. 811, л. 30-31 об.

57. *Свод местных узаконений губерний Остзейских, указ. соч.,* ч. III, СПб., 1864. с. 84.

58. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1059, л. 26 об.

59. *Там же,* ф. 1291, оп. 62, д. 811, л. 6, 11.

60. *Там же,* л. 2, 6 об.

не заслуживали внимания как противоречившие выводам Особого совещания (1900-1901 гг.), положенным в основу разработанного проекта[61].

В марте 1909 г. Министерство внутренних дел внесло в Думу законопроект товарища Министра внутренних дел А. И. Лыкошина, практически не отличавшийся от проекта Н. В. Плеве (сократился только срок внесения выкупных платежей), 14.04.1909 г. он был представлен в ее общее собрание. В 1910 г. проект одобрили земельная и финансовая комиссии; в заседании 15.03.1912 г. он обсуждался Думой. В ходе прений депутат от Курляндии октябрист барон Г. Е. Фелькерзам высказался против устранения дворянских организаций от участия в совершении выкупной операции и внес поправку, расширявшую их права по отношению к хранению и распоряжению вырученными суммами (большинством голосов она была отклонена)[62]. По мнению эстляндского депутата кадета А. Я. Терраса, в законопроекте следовало указать, что полученные от выкупной сделки доходы должны поступать в ведение рыцарств только до введения в Прибалтике земств. К этой точке зрения присоединился и представитель латышских социал-демократов А. Я. Предкальн[63]. А. И. Лыкошин выступил против предложенной поправки как заранее предрешавшей отнюдь не бесспорный вопрос о юридической природе имений, пожалованных дворянству. Это мнение поддержал октябрист М. А. Искрицкий — докладчик земельной комиссии. Он отметил, что на практике сразу невозможно определить, все ли средства следовало передать земствам, т.к. часть их шла на удовлетворение исключительно нужд дворянства, поэтому данный вопрос требовал основательной проработки[64]. По результатам голосования, поправка А. Я. Терраса была отклонена.

2.05.1912 г. Дума приняла законопроект с внесёнными во втором чтении незначительными дополнениями, и 6.06.1912 г. закон «О выкупе крестьянской повинностной и арендной земли в имениях, высочайше пожалованных дворянским обществам Прибалтийских губерний», вступил в силу[65].

Не менее важной проблемой, стоявшей перед правительством, являлось поземельное устройство крестьян-арендаторов на дворянских фидеикомиссах, препятствием которому служил установленный действовавшим законодательством запрет отчуждать части такого имения[66]. Продажа крестьянских участков фидеикомиссов допускалась, но только с высочайшего соизволения. В Курляндии действовали правила 27.05.1870 г.,

---

61. *Там же,* л. 151 об.

62. *Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1912. Сессия пятая,* ч. III, СПб., 1912, стб. 1306.

63. *Там же,* Стб. 1308, 1311.

64. *Там же,* Стб. 1316.

65. *Обзор деятельности Гос. думы третьего созыва 1907-1912,* ч. II, *Законодательная деятельность,* СПб., 1912, с. 250.

66. *Свод местных узаконений губерний Остзейских, указ. соч.,* ч. III, сс. 2321, 2342.

допускавшие отчуждение крестьянских арендных земель с разрешения дворянского комитета (одного из высших органов дворянского самоуправления). Мотивом, побудившим правительство издать их, послужило отсутствие обязательства для владельцев частных имений данной губернии предоставить при освобождении крестьян часть земли им в аренду[67].

Инициатива пересмотра в этом отношении действовавшего в Прибалтике законодательства принадлежала эстляндскому дворянскому комитету, который в 1905 г. представил в Министерство внутренних дел проект правил об отчуждении и сдаче в долгосрочную аренду земельных участков фидеикомиссов Эстляндской губернии. После обнародования положений Совета министров 21.10.1906 г. о разрешении владельцам заповедных, майоратных, ленных и подуховных имений отчуждать крестьянам участки из их состава, эстляндский предводитель Э. Н. Деллингсгаузен обратился к Министру юстиции с докладной запиской, в которой настаивал на незамедлительном внесении проекта дворянского комитета в Совет министров[68]. Это послужило толчком к началу разработки правительственного законопроекта. 13.10.1910 г. он был представлен Министром юстиции на рассмотрение Думы, а 18.10.1910 г. передан ею в земельную и финансовую комиссии, которые, ознакомившись с ним в заседаниях 3.03., 27.04. и 5.05.1911 г., выразили свое согласие с его основным содержанием[69].

Этим проектом предусматривалось распространение действия закона, помимо родовых, еще и на другие формы фидеикомиссных имений, к которым принадлежали не только дворянские вотчины; круг покупателей земельных участков из их состава ограничивался лицами крестьянского сословия и Крестьянским поземельным банком[70].

При разработке проекта возник вопрос о квотных и шестидольных землях. Основу правительственного проекта составили правила 27.05.1870 г., распространявшиеся с незначительными изменениями на все Прибалтийские губернии, которыми допускалась покупка не только крестьянских, но и квотных, и шестидольных земель с согласия местных дворянских учреждений. На них возлагалось хранение и «помещение» сумм, полученных от продажи участков[71]. Суммы, вырученные от продажи земель из состава фидеикомиссов, могли употребляться на покупку других земских имений, к которым переходило свойство родового фидеикомисса, на приобретение правительственных или гарантированных правительством ценных бумаг, закладных листов дворянских кредитных обществ, на пога-

67. *Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Земельная комиссия, указ. соч.,* с. 265; *ПСЗ,* II, т. 45, отд. I, 1870, СПб., 1874, № 48423.

68. *Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Земельная комиссия, указ. соч.,* сс. 266-266 об.

69. *Приложения к стенографическим отчетам. Государственная дума. Третий созыв. Сессия четвертая 1910-1911 гг.,* т. V, СПб., 1911, № 605.

70. *Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Земельная комиссия, указ. соч.,* с. 270 об.

71. *Там же,* сс. 263-263 об.

шение лежавшей на данных имениях вступной цены или обеспеченных ею долгов[72]. В рамках намеченного преобразования предполагалось также ввести в действие и в остальных губерниях края закон 25.11.1896 г. «О выдаче владельцам родовых фидеикомиссных имений Курляндской губернии ссуд на сельскохозяйственные улучшения» и распространить его на собственников всех фидеикомиссов[73].

В ходе обсуждения законопроекта Думой в заседаниях 14.03. и 15.03.1912 г. Г. Е. фон Фелькерзам внес поправку, расширявшую круг вероятных приобретателей отчуждавшихся земель; к его мнению присоединился депутат от Эстляндской губернии октябрист барон А. О. фон Шиллинг (являвшийся докладчиком земельной комиссии по данному законопроекту). Против нее высказался курляндский депутат прогрессист Э. Ф. Карлсберг. В своем выступлении товарищ Министра юстиции А. Г. Гасман указал на несоответствие предложения Г. Е. фон Фелькерзама намерениям правительства, которое, прежде всего, преследовало цели земельного устройства крестьянского населения[74]. В итоге, внесенная поправка была отклонена. 28.04.1912 г. законопроект был принят Думой и передан в Государственный Совет. Закон «О разрешении владельцам фидеикомиссных земских имений в губерниях прибалтийских отчуждать входящие в состав сих имений крестьянские земельные участки, а также земли квотные и шестидольные» вступил в силу 25.06.1912 г.

В 1910-1916 гг. правительство попыталось окончательно разрешить проблему отрезных земель. Позицию Министерства внутренних дел отражала составленная в его недрах записка «По вопросу о квотных и шестидольных землях в губерниях Лифляндской и Эстляндской». Как отмечалось в записке, вопрос был поднят во второй половине 80-х гг. XIX в. прибалтийскими губернаторами, встретившимися с серьезными затруднениями при разрешении дел по жалобам на неправильное присоединение данной категории земель к мызным[75]. Итогом предварительного рассмотрения этого вопроса стал всеподданнейший доклад Министра внутренних дел И. Н. Дурново 17.02.1893 г., в котором последний утверждал, что, по мысли законодателя, назначение отрезных земель состояло в устройстве быта батраков (впервые эту точку зрения высказал эстляндский губернатор князь С. В. Шаховской). В связи с этим, отрезные земли предлагалось перевести в разряд крестьянских (по местному законодательству, вотчинник мог распоряжаться крестьянскими землями только посредством сдачи их в аренду или продажи членам крестьянского общества; на остров Эзель данное ограничение прав помещика не распространялось) и образовать на них

72. *Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1912. Сессия пятая, указ. соч.*, ч. III, стб. 3674.

73. *Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Земельная комиссия, указ. соч.*, с. 263 об.

74. *Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1912. Сессия пятая, указ. соч.*, ч. III, стб. 1165-1166.

75. РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 83.

мелкие участки для сдачи в аренду и продажи безземельным крестьянам[76]. В соответствие с последовавшим за докладом указом 18.02.1893 г., Министру внутренних дел поручалось представить законопроект об обращении отрезных земель к их законному назначению (т.е. о переведении их в разряд крестьянских). Кроме того, временно, до разрешения вопроса, прекращалось производство по делам о неправильных присоединениях и приостанавливалась продажа участков из их состава, за исключением тех случаев, когда покупателями являлись лица крестьянского сословия, не состоявшие ни собственниками, ни арендаторами крестьянских участков[77].

Взгляд Министерства внутренних дел на цель отрезки основывался на анализе законодательства и сопутствовавших ему актов. Однако, как представляется, его позиция была далеко не бесспорной: Положения о крестьянах 1849, 1859 и 1860 гг. не содержали никаких конкретных указаний на назначение квотных и шестидольных земель; Положение о крестьянах Эстляндской губернии 1856 г. и Правила о поземельном устройстве крестьян острова Эзель 1865 г. определяли его крайне расплывчато, в частности, в эстляндском законе 1856 г. в ст. 18 по этому поводу говорилось: «Имея полное право распоряжаться этой шестой долей по своему произволу, помещик может употребить ее 1) для поселения на оной господских работников, поденщиков и т.п. и 2) или для всякой другой цели...»[78]. Согласно же точке зрения большинства членов межведомственного Совещания, образованного в 1910 г. при Министерстве внутренних дел под председательством товарища Министра А. И. Лыкошина для выяснения вопроса об обращении отрезных земель, об их назначении свидетельствовало утвержденное 13.11.1860 г. вместе с Положением о лифляндских крестьянах мнение Государственного совета. Это мнение предписывало прибалтийскому генерал-губернатору обратить внимание лифляндского дворянства на меры Министерства государственных имуществ по обеспечению сельскохозяйственных рабочих участками в имениях казны, предложив ему употребить в течение пятилетнего срока отрезные земли для устройства батраков в помещичьих имениях[79].

Дворянство резко возражало против такого взгляда на проблему. Многочисленные записки его предводителей объединялись одной общей мыслью: в них подчеркивалось, что юридическим значением обладал только текст закона, а не мнения, сопровождавшие его принятие, само же законодательство не содержало никаких указаний на то, что отрезные земли предназначались для обеспечения безземельного населения, наоборот, они предоставлялись им в неограниченное распоряжение помещиков[80]. Эту точку зрения разделяло и меньшинство межведомственного совещания,

76. *Там же,* ф. 1291, оп. 65, д. 218, л. 83, 123; *Свод местных узаконений губерний Остзейских, указ. соч.,* ч. III, с. 600.

77. РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 60.

78. *ПСЗ,* II, т. 31, Отд. I, 1856, СПб., 1857.

79. РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 18 об.

80. *Там же,* л. 72, 134.

считавшее, что целью отрезки было возмещение помещикам убытков, понесенных в результате замены барщины вольнонаемным трудом. По мнению Совещания, суждение Государственного совета, сопровождавшее издание Положения 1860 г., решающего значения не имело; окончательно же вопрос разрешил закон 18.02.1893 г., приравнявший отрезные земли к мызным[81].

Большинство членов совещания пришло к заключению о необходимости обращения квотной и шестидольной земли, как находившейся в аренде у крестьян (т.н. «свободная квота»), так и использовавшейся помещиками («несвободная квота») в разряд крестьянской, причем первую ее категорию — безусловно, вторую — с предоставлением права обмена на мызную землю[82]. К этому взгляду присоединилось и Министерство юстиции, считавшее, что с правовой точки зрения, отрезные земли следовало признать подлежавшими обращению на устройство быта безземельного населения[83].

Выработка Министерством внутренних дел соответствующего законопроекта, к которому оно и приступило после издания указа 18.02.1893 г., затянулась. Шагом на пути к решению проблемы стало высочайшее утвержденное 18.06.1909 г. положение Совета министров об обращении отрезных земель в разряд крестьянских в принадлежавших Крестьянскому поземельному банку имениях Лифляндской и Эстляндской губерний[84]. Неоднократное обращение Государственной Думы к вопросу о квотных и шестидольных землях способствовало ускорению работ Министерства. Так, в 1909 г. было внесено два законодательных предположения: 4.02. проект лифляндского депутата барона А. Ф. Мейендорфа и А. О. фон Шиллинга за подписью 34-х членов фракции октябристов «О дополнении ст. 2 Высочайшего указа 18.02.1893 г. о квотных и шестидольных землях» и 18.12. — кадетов А. Я. Терраса и М. М. Шульценберга (проект «36-ти») «Об обращении квотных и шестидольных земель в Прибалтийских губерниях к их законному назначению», внесённый при поддержке кадетов, трудовиков и прогрессистов[85]. Эти проекты были переданы в земельную комиссию, но работы комиссии были прекращены в связи с тем, что Министерством внутренних дел уже разрабатывался соответствующий законопроект[86].

15.12.1912 г. Министр внутренних дел А. А. Макаров представил проект реформы на рассмотрение Совета министров. В главных своих положениях он основывался на заключении большинства членов Особого межведомственного совещания 1910 г. Им предусматривался перевод квотных и шестидольных земель в разряд крестьянских, допускался обмен на мызные земли той их части, которая эксплуатировалась помещиками в собственных

81. *Там же,* л. 299.
82. *Там же,* л. 108 об.
83. *Там же,* л. 19.
84. *Там же,* л. 16 об.
85. Т. Карьяхярм, *ук. соч.,* с. 189.
86. РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 351, л. 65.

экономических интересах, при этом круг покупателей или арендаторов ограничивался исключительно безземельными крестьянами[87]. Возможность продажи, наряду со «свободной» квотой и шестой долей, участков «несвободной» существенно расширила бы фонд крестьянских земель: согласно данным Министерства внутренних дел, «свободных» отрезных земель в Лифляндской, Эстляндской губерниях и на острове Эзель имелось 183 394 дес., «несвободных» — 61 325 дес. (из них слившихся с мызными землями — 24 772 дес.)[88].

Рассмотрев законопроект в заседании 3.01.1913 г., Совет министров возвратил его в Министерство внутренних дел для согласования с Министром юстиции и Государственным секретарем, а также для представления на отзыв предводителю лифляндского дворянства[89].

Предводители эстляндского и лифляндского дворянства дали негативную оценку подготовленному Министерством внутренних дел законопроекту. В докладных записках Министрам внутренних дел и юстиции Э. Н. Деллинсгаузен и А. А. Пилар фон Пильхау возражали против обращения отрезных земель в разряд крестьянских, усматривая в этом нарушение принципа неприкосновенности частной собственности. А. А. Пилар отмечал, что реализация намеченных мер равнялась бы принудительному отчуждению земель у их собственников[90].

В заключении Министра юстиции 26.03.1913 г. указывалось, что предположения проекта относительно «несвободных» отрезных земель неприемлемы, т.к. их отделение несомненно привело бы к подрыву хозяйства помещика. В связи с этим предлагалось изъять данную категорию земель из сферы применения закона[91]. Эта же точка зрения высказывалась эстляндским и лифляндским губернаторами.

В итоге, первоначальный проект подвергся переработке с учетом высказанных замечаний и был представлен Министром внутренних дел Н. А. Маклаковым в Совет министров 31.05.1913 г. Двумя днями ранее — 28.05. — Я. Залит и Я. Раамот (лифляндский и эстляндский депутаты) внесли в Думу законопроект за подписью шестидесяти её депутатов «Об обращении квотных и шестидольных земель в Лифляндской и Эстляндской губернии к их законному назначению», в своих основных положениях близкий к проекту «36-ти». Министерство внутренних дел признало его неприемлемым[92]. Согласно новой редакции правительственного проекта, обращению в разряд крестьянских подлежали только участки квотных и шестидольных земель, сдававшиеся в аренду, причем под действие закона не подпадали те из них, которые использовались помещиками в собственных

87. *Там же,* ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 132-132 об.
88. *Там же,* ф. 1291, оп. 64, д. 502, л. 9.
89. *Там же,* ф. 1405, оп. 543. д. 885, л. 382.
90. *Там же,* л. 133 об., 244.
91. *Там же,* л. 282.
92. *Там же,* ф. 1276, оп. 5, д. 405, л. 101 об.

экономических интересах, в частности, когда на них находились сельскохозяйственные или промышленные предприятия и т.д.[93].

Дворянство же, не удовлетворившись достигнутой уступкой, добилось отсрочки слушания законопроекта в Совете министров, в связи с разрешением, данным А. А. Пилар фон Пильхау, представить записку по рассматривавшемуся вопросу. В записке, представленной 30.07.1913 г., А. А. Пилар высказывался против обращения арендных квотных земель Лифляндской губернии в категорию крестьянских. По его мнению, все без исключения арендные земли следовало оставить в неограниченном распоряжении собственников, квотный же вопрос предполагалось решить отменой указа 18.02.1893 г.[94]. Однако, основная цель записки, заключавшаяся в том, чтобы, не допустив одобрения законопроекта Советом министров, окончательно разрешить проблему в интересах прибалтийского дворянства, была достигнута лишь отчасти.

5.02.1914 г. Министерство внутренних дел представило в Совет министров третью редакцию проекта реформы. В записке к нему указывалось, что Министерство продолжало придерживаться точки зрения, выраженной во второй редакции проекта. Возражения А. А. Пилара отклонялись, поскольку, как отмечалось, при составлении проекта интересы помещиков были максимально учтены: участки «несвободных» квотных и шестидольных земель более не подпадали под его действие, чтобы не вносить полного расстройства в помещичье хозяйство, решение же вопроса исключительно в интересах дворянства, подчеркивалось Министерством внутренних дел, противоречило взгляду правительства на само назначение института отрезных земель[95]. Из новой редакции исключалась Эстляндская губерния — для неё предполагалось составить отдельный законопроект, что вызывалось практическими соображениями: частичная неразграниченность, в отличие от Лифляндии, крестьянских и мызных, а также и крестьянских, и шестидольных земель делала невозможным в то время точное определение их состава. В 1911 г. Эстляндский ландтаг выступил с инициативой упорядочения всего аграрного устройства губернии до разрешения вопроса об отрезных землях, Министерство внутренних дел присоединилось к его мнению[96].

Одобренный в таком виде Советом министров, законопроект был внесен в Думу 20.03.1914 г. В марте 1916 г. Министерство внутренних дел его отозвало, и проблема отрезных земель так и осталась неразрешенной[97].

Из разработанных правительством проектов реформ в 1907-1914 гг. законодательное утверждение получили только два: 6.06.1912 г. «О выкупе крестьянской повинностной и арендной земли в имениях, высочайше пожа-

93. *Там же,* ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 308 об.

94. *Там же,* л. 406.

95. *Там же,* ф. 1276, оп. 5, д. 405, л. 141.

96. *Там же,* л. 144.

97. *Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1916. Сессия четвертая,* ч. III, Пд., 1916, стб. 3269.

лованных дворянским обществам Прибалтийских губерний» и 25.06.1912 г. «О разрешении владельцам фидеикомиссных земских имений в губерниях прибалтийских отчуждать входящие в состав сих имений крестьянские земельные участки, а также земли квотные и шестидольные». Ими несколько расширялся земельный фонд для решения аграрного вопроса в Прибалтийских губерниях (родовые фидеикомиссы включали в себя 100 тыс. дес. крестьянской земли, в состав же имений рыцарств в двух губерниях входило 1 164 участка, подлежавших продаже, площадью 37 тыс. дес.)[98]. Все же кардинально проблему крестьянского малоземелья эти меры решить не могли. В целом, законы 6 и 25.06.1912 г. отразили линию правительства, направленную на приспособление сложившихся в крае отношений к потребностям его экономического развития; закон 25.06.1912 г. являлся «корректировкой» к действовавшему местному законодательству, позволявшей сохранить такую форму дворянского землевладения как родовой фидеикомисс.

В то же время целый комплекс проблем оставался неразрешённым: вопрос церковных и отрезных земель, а также церковный и земский вопросы. Несмотря на заявленное в правительственных декларациях П. А. Столыпина (6.03.1907 г.), а затем В. Н. Коковцова (5.12.1912 г.) намерение ввести земство в Прибалтийских губерниях, к работе над проектом реформы Министерство внутренних дел так и не приступило[99]. Хотя, как отмечалось в заключении Министра внутренних дел А. А. Макарова 15.03.1912 г. на законодательное предположение тридцати одного члена Думы о введении земского самоуправления в Прибалтике, Министерство признавало данную реформу вполне назревшей, ставило ее «в одну из первых очередей ближайших своих работ», подчеркнув, что она должна была разрабатываться на началах, близких к Положению 1892 г.[100].

98. *Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Земельная комиссия, указ. соч.,* с. 267; Т. Карьяхярм, *указ. соч.,* с. 169.

99. П. А. Столыпин, *Нам нужна великая Россия...: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911 гг.,* М., 1991, с. 5; *Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1912–1913. Сессия первая,* ч. I, СПб., 1913, стб. 264.

100. РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 21, л. 12.

3. Политика правительства в «остзейском вопросе» (1914 – февраль 1917 гг.)

С началом Первой мировой войны «прибалтийско-немецкий» вопрос превратился в одну из наиболее острых проблем внутренней политики правительства. Война явилась определяющим фактором этой политики, она вынудила ускорить подготовку для края реформ и способствовала радикализации его подхода к ряду связанных с ними проблем.

Несмотря на поддержку внешнеполитического курса правительства, заявленную с думской трибуны представителями прибалтийских немцев[101], последние, с первых же дней войны, стали объектом подозрений в нелояльности, симпатиях к врагу и шпионаже. Подобные настроения подогревались консервативной и правой прессой, развернувшей широкую антинемецкую кампанию, у истоков которой стояли такие петербургские органы как *Новое время* и *Вечернее время,* создававшие образ российского немца как внутреннего врага[102]. Полемика этих органов с газетой *Sankt-Petersburger Zeitung,* пытавшейся отстоять национальное и человеческое достоинство российских немцев, еще более накаляло обстановку. Защита их со стороны кадетской прессы большого успеха не имела. Поведение прессы усилило рост шовинистических настроений в обществе. Отчасти под ее влиянием, в Прибалтике обострились межнациональные отношения.

Сообщавшиеся в печати и частными лицами многочисленные факты о якобы изменнической деятельности прибалтийских немцев, стали предметом расследований проведенных в августе 1914 г. чинами отдельного корпуса жандармов и товарищем Министра внутренних дел В. Ф. Джунковским в течение его поездки в Прибалтику 3-4.09.1914 г. Полученные в ходе них результаты, обнаружили полную несостоятельность утверждений подобного рода; по сообщениям местной администрации, компрометация немецкого населения носила характер организованной акции [103].

Следует отметить, что в начальный период войны отношение правительства к прибалтийским немцам в целом было достаточно благожелательным, несмотря на ряд по своей сути дискриминационных мер, таких как воспрещение употребления немецкого языка в общественных местах и в

---

101. *Стенографический отчет заседания Государственной думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему сенату от 20.07.1914 г.,* СПб., 1914, стб. 20-21.

102. Подробно об этом см. Н. С. Андреева, «Прибалтийские немцы и Первая мировая война», в: *Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX веков, Сборник статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева,* СПб., 1999, сс. 461-473; Она же, «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности... (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений. 1914-1917 гг.)», *Русское прошлое,* 8, 1998, сс. 203-214.

103. ГАРФ, ф. 270, оп. 1, д. 93, л. 17 об.-18; ед. хр. № 91, л. 17 об.

качестве языка преподавания (начиная с 1916/1917 учебного года), закрытие немецких газет, обществ и содержавшихся ими учебных заведений, ликвидацию всех организаций, объединявших лиц немецкой национальности.

В тоже время предпринимались попытки пресечь антинемецкую кампанию в прессе и ложное доносительство. Такой подход определялся позицией Министра внутренних дел Н. А. Маклакова, считавшего травлю немцев недопустимой и не имевшей фактических оснований[104]. В связи с этим, им лично были даны соответствующие указания редакторам газет *Новое время* и *Вечернее время* по поводу нападок на прибалтийское дворянство, его циркуляром 28.11.1914 г. губернаторам предписывалось принять все меры к пресечению ложных доносов[105]. Эта мера вызывалась тем, что доносительство, направленное против прибалтийского дворянства и пасторов, приняло весьма широкий характер, особенно в районах близких к театру боевых действий. Обвинения же, по большей части, носили фантастический характер. П. Г. Курлов (с 24.11.1914 г. по 3.08.1915 г. он исполнял обязанности особоуполномоченного по гражданскому управлению Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниями), лично проводивший расследования по всем известным ему фактам, отмечал в своих воспоминаниях, что обыкновенно из ста подобных дел лишь одно давало основания к подозрению[106]. В связи с этим, он издал приказ 25.02.1915 г. № 27, запрещавший местным властям рассматривать анонимные доносы, а за сообщение ложных сведений устанавливалась уголовная ответственность[107].

Изменение правительственной линии произошло с назначением управляющим, а с октября 1915 г. — Министром внутренних дел, А. Н. Хвостова, возглавившего кампанию по борьбе с «немецким засильем» в экономической и общественной жизни государства. В этот период вступило в силу антинемецкое законодательство: закон 2.02.1915 г., ликвидировавший право землевладения и землепользования австрийских и германских подданных, и закон 13.12.1915 г., аннулировавший земельную собственность немецких колонистов. Основу политики в отношении Прибалтики составил курс на ликвидацию обособленности края. Предусматривалось проведение комплекса мероприятий законодательного характера, направленных на унификацию строя Остзейских губерний с внутренними. С этой целью предполагалось пересмотреть действовавшую систему административного управления ими (безуспешная попытка решить данную про-

104. *Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка),* СПб., 1999, с. 110.

105. ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 143, л. 68 об.

106. П. Г. Курлов, *Гибель императорской России,* М., 1991, с. 209.

107. Цит. по: А. Ф. Мейендорф, *Разбор обвинений, заключающихся в книгах* Прибалтийский край и война *Ар. Тупина и* В стране чудес *А. Ренникова,* Пд., 1915, с. 24.

блему была предпринята в январе-феврале 1916 г., а после отставки А. Н. Хвостова этот вопрос больше не поднимался).

С вторжением неприятеля в Курляндскую губернию обстановка в крае резко обострилась — начались высылки из района боевых действий этапным порядком в Сибирь или во внутренние губернии представителей дворянства и лютеранского духовенства, что осуществлялось нередко лишь на основании данных, полученных в ходе предварительного расследования. Ситуация осложнялась тем, что в отличие от гражданских, военные власти придерживались иной точки зрения на «немецкий вопрос»: они рассматривали немецкое население Прибалтийских губерний исключительно как германских шпионов и выступали инициаторами его выселения. Эту политику проводили Н. Н. Янушкевич, главнокомандующий армиями Северо-западного фронта Н. В. Рузский, а также М. В. Алексеев.

Совет министров со своей стороны не раз протестовал против политики военных властей по отношению к немецкому населению Прибалтики[108]. После отмены ряда распоряжений военных властей о высылке некоторых должностных лиц прибалтийского дворянства вследствие доказанной их невиновности, Министерство внутренних дел (как отмечалось в его справке 29.06.1915 г.) указало военной администрации на необходимость, предварительных сношений с гражданской властью для того, чтобы, при принятии решений подобного рода, по возможности, избегать действий, дискредитировавших правительство[109]. Представители военной администрации, в свою

108. *Совет министров Российской империи, указ. соч.,* сс. 271, 273, 275.

109. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1396, л. 405 об. Вопрос о политике военных властей периода Первой мировой войны в прифронтовых окраинных районах Российской империи отчасти затрагивался М. фон Хагеном (М. фон. Хаген, «Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи», в: *Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума,* СПб., 1999, сс. 385-405). Однако конфликт, возникший на почве этой политики между военным руководством и правительством, остался вне поля зрения историка. Линию, проводившуюся военными властями в отношении гражданского населения Прибалтики, не поддерживали ни местная гражданская администрация, ни само правительство (как уже указывалось выше Совет министров неоднократно протестовал против репрессивной политики военной администрации). С ней также не были согласны П. Г. Курлов (см. П. Г. Курлов, *указ. соч.,* сс. 205, 214-215) и лифляндский вице-губернатор С. С. Подолинский (S. S. von Podolinsky, *Rußland vor der Revolution. Die agrarsoziale Lage und die Stolypinschen Reformen,* Hrsg. A. Harttung, Berlin, 1992, S. 188-191). О взаимоотношениях военных и гражданских властей в прифронтовых районах см. В. Ф. Джунковский, *Воспоминания,* М., 1997, т. 2, с. 421.

Американский историк П. Холквист также отождествляет политику военных властей в районах, близких к линии фронта, с правительственной политикой (П. Холквист, «Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте», в: *Россия и Первая мировая война, указ. соч.,* сс. 83-101). При этом, по мнению исследователя, правительство якобы руководствовалось идеями, которые высказывались в отношении этнического состава населения Российской империи военными статистиками. Это утверждение представляется недоказанным и весьма спорным, поскольку оно не обосновано документально —

очередь, выступали против вмешательства со стороны Министерства внутренних дел. Несмотря на то, что взаимоотношения военных и гражданских властей в Прибалтийском крае нередко становились предметом обсуждения в Совете министров, урегулировать их так и не удалось. Как представляется, противоречивость правительственной политики по отношению к прибалтийским немцам в период 1914-февраля 1917 гг. являлась, среди прочего, одним из показателей углублявшегося кризиса власти, когда смена Министра внутренних дел влекла за собой переход от попыток нормализовать межнациональные отношения к новому витку антинемецкой кампании. Общественное мнение все более выходило из-под правительственного влияния, поэтому воздействие на него в плане прекращения травли немцев долговременного результата не имело.

В рассматриваемый период Министерство внутренних дел продолжало работы над реформой лютеранского прихода и разработку аграрных преоразований. Для переработки на новых основаниях, в связи с изменением политической ситуации, были отозваны из Думы в декабре 1915 г. проект церковной реформы, в марте 1916 г. — два законопроекта: о выкупе крестьянских земель пасторатских имений и об обращении отрезных земель в разряд крестьянских. Министерство внутренних дел намеревалось применить принцип обязательного выкупа ко всем непроданным на тот момент крестьянским и отрезным землям. Основу намеченного преобразования должен был составить закон 28.12.1881 г. об обязательном выкупе, действовавший во внутренних губерниях. Следует отметить, что этой реформе придавалось не только экономическое, но и большое политическое значение[110]. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков 8.04.1915 г. в отношении на имя Министра юстиции И. Г. Щегловитова отмечал, что одним из основных мотивов преобразования являлась необходимость ликвидации экономической зависимости арендаторов эстонцев и латышей от представителей немецкого дворянства[111].

Для разработки проекта реформы в 1915 г. были созваны три совещания: при Министерстве внутренних дел под председательством товарища Министра Н. В. Плеве и два межведомственных — во главе с Н. В. Плеве и с Управляющим земским отделом А. Н. Неверовым[112].

в статье отсутствуют какие-либо ссылки на документы, отложившиеся в фондах учреждений государственного аппарата империи, которые указали бы на роль статистики в формировании национальной политики российского правительства. Как уже говорилось выше, единодушия между правительством и военной администрацией, придерживавшейся взгляда о необходимости применения против «подозрительных инородцев» жестких мер, по этому поводу не было. Более того, Совет министров 16.08.1915 г. признал принудительную эвакуацию населения из прифронтовой полосы недопустимой. (См. А. Н. Курцев, «Беженство», в: *Россия и Первая мировая война, указ. соч.,* с. 133).

110. РГИА, ф. 1291, оп. 65, д. 53, л. 2 об.

111. *Там же,* ф. 1405, оп. 543, д. 887, л. 1 об.

112. Т. Карьяхярм, *указ. соч.,* с. 182.

Всего, в общей сложности, было выработано пять редакций «Проекта закона о некоторых изменениях и дополнениях узаконений об устройстве быта крестьян Прибалтийских губерний».

Обязательному выкупу в Эстляндской губернии подлежали непроданные земли всех категорий: крестьянские, мызные, отрезные, состоявшие к 1.01.1914 г. в аренде в качестве самостоятельных крестьянских хозяйств, за исключением имений и мыз, арендовавшихся целиком, а также участков, занятых мельницами и корчмами владельцев имений и предоставленных мызным батракам, полевым и лесным сторожам за исполнение служебных обязанностей. В Лифляндской губернии выкупу подлежали крестьянские и отрезные земли, действие законопроекта не распространялось на участки квотных и шестидольных земель, эксплуатировавшихся владельцем в собственных экономических интересах[113]. Согласно третьей редакции проекта, отрезные земли, не подлежавшие обязательному выкупу, окончательно присоединялись к мызным и за их собственниками признавалось право неограниченного распоряжения ими[114]. Со своей стороны Министерство финансов высказалось против закрепления за владельцами имений значительной части земель, не сдававшихся ими в аренду; по его мнению, следовало подчинить выкупу все квотные и шестидольные земли вне зависимости от способа их эксплуатации собственником[115]. Эти замечания были учтены в пятой редакции, устанавливавшей выкуп всех неотчужденных квотных и шестидольных земель в Лифляндской губернии[116].

Однако, несмотря на готовый в декабре 1915 г. проект представления в Совет министров «О завершении поземельного устройства крестьян в губерниях Прибалтийских», внесен на его рассмотрение этот проект так и не был (вероятно потому, что пятая редакция законопроекта рассматривалась Министерством внутренних дел как неокончательная)[117]. Таким образом, реформа осталась нереализованной.

Кардинальной переработке подвергся проект церковной реформы. Общая схема приходской организации сохранялась такой же, как в проекте 1911 г. (она включала в себя общее собрание прихожан, церковный совет как распорядительный орган и церковное попечительство — как исполнительный), но при этом новой редакцией ликвидировалась куриальная система выборов старшин и право патроната, провозглашалось предоставление равных прав всем прихожанам, участвовавшим в материальном обеспечении церкви и духовенства (хотя батраков это уравнение не коснулось), действие реформы распространялось и на Курляндию (ранее исключенную из области применения преобразования)[118]. В церковных советах и попечительствах допускалось употребление местных языков, с

113. РГИА, ф. 1291, оп. 65, д. 218, л. 1б об., 30 об.

114. *Там же,* л. 42 об.

115. *Там же,* л. 72.

116. *Там же,* л. 41 об., 42.

117. *Там же,* л. 129.

118. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1090, л. 69 об, 180-181.

обязательным переводом протоколов заседаний на русский, что вызывалось, во многом, практическими соображениями: по данным, приведенным чиновником особых поручений А. С. Мамантовым в его отчете о командировке в Прибалтику, знание русского языка в сельских местностях было крайне слабым[119].

Проектом предусматривалась также ликвидация всех церковных повинностей. Для финансового обеспечения лютеранского духовенства предполагалось определить размер минимального дохода пастора и обеспечить поступление соответствующей суммы в церковную казну для выдачи ему ежемесячного содержания[120]. По распоряжению Министра внутренних дел, законопроект был экстренно внесен на рассмотрение Совета министров 7.08.1916 г., решением которого 9.09.1916 г. он был передан на заключение Министерства юстиции[121]. С этой целью при нем было образовано межведомственное совещание под председательством товарища Министра юстиции А. Н. Веревкина, которое провело только одно заседание 18.02.1917 г., последний его документ был датирован 25 февраля.

Преобразование сельского прихода Остзейских губерний предполагалось дополнить реформированием городских и смешанных приходов (т.е. с городским и сельским населением), а также реорганизацией системы высших административных органов евангелическо-лютеранской церкви, с целью «дегерманизации» духовной жизни лютеран и ее перестройки на принципах равного участия в церковных делах[122]. Подготовку этой реформы также прервала Февральская революция.

Одновременно с проектом реформы сельских приходских учреждений, Министерством внутренних дел разрабатывался и 29.03.1916 г. был внесен в Думу законопроект «О языке переписки, делопроизводства, суждений и протоколов заседаний протестантских духовных учреждений и лиц и о пересмотре некоторых статей закона, связанных с этим вопросом» (следует отметить, что данный вопрос уже поднимался правительством в 1911-1912 гг.); составителем этого проекта был начальник отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий А. В. Петров[123].

Проектом допускалось употребление в приходских учреждениях языка большинства населения; с разрешения Министра внутренних дел оно могло быть также допущено в заседаниях синодов при чтении богословских рефератов и докладов, но немецкая терминология из «Устава иностранных исповеданий» подлежала исключению. Отменялась обязательность богослужения на немецком языке в сельских приходах Прибалтийских губерний даже при значительном числе прихожан-немцев[124].

---

119. *Там же,* л. 63 об; оп. 133, д. 1089, л. 5 об.
120. *Там же,* д. 1090, л. 69, 78.
121. *Там же,* ф. 1248, оп. 190, д. 107, л. 52.
122. *Там же,* ф. 821, оп. 133, д. 1119, л. 137, 203.
123. *Там же,* д. 958, л. 25; ф. 1022, оп. 1, д. 16, л. 389.
124. *Там же,* ф. 821, оп. 133, д. 1091, л. 16-17 об.

Все эти меры рассматривались правительством как противодействие германизации протестантского населения Прибалтийских губерний и империи. В целом, данный законопроект являлся запоздалой уступкой требованиям национальной оппозиции. Он остался нерассмотренным вероисповедной комиссией Думы.

Не была реализована и реформа организаций прибалтийского дворянства, работа над которой велась с марта 1915 г. Ее главной задачей являлось пресечение «политической деятельности» рыцарств, достичь этого предполагалось посредством их преобразования по образцу дворянских организаций внутренних губерний.

Разработанным Министерством внутренних дел проектом «Положения о дворянстве Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний» предусматривалось упразднение органов самоуправления прибалтийского дворянства — конвентов и комитетов, введение вместо ландтагов уездных и губернских собраний, деятельность которых ставилась под непосредственный надзор губернатора: он должен был давать разрешение на их проведение, утверждать все принятые ими решения и дворянских чиновников в должностях (кроме губернских предводителей — их назначал император по представлению Министра внутренних дел)[125]. Рыцарствам предписывалось представлять губернатору копии с журналов каждого заседания дворянского собрания, подробные отчеты о происходивших прениях и выступлениях и о мотивах принятых решений; в практику делопроизводства и переписку дворянских учреждений вводился русский язык[126].

Предусматривавшееся проектом реформы изъятие из ведения рыцарств земского дела, вопросов, связанных с управлением делами лютеранской церкви и руководства сельскими школами, ограничивало компетенцию дворянских организаций исключительно сословными делами; конфискация казной «имений рыцарств», ликвидировала бы один из основных источников их финансовых поступлений. За дворянством сохранялось право приносить всеподданнейшие прошения императору, но в них рыцарству запрещалось поднимать вопросы, связанные с изменением начал государственных учреждений[127].

О дальнейшей судьбе проекта, по имеющимся данным, можно сказать следующее: для установления окончательной редакции, вероятно, его предполагалось обсудить в Совещании по делам Прибалтийских губерний под председательством товарища Министра внутренних дел И. М. Золотарева и затем внести в Думу. Однако ни в Совет министров (несмотря на подготовленные проекты представления), ни в Думу проект так и не был представлен. С ним ознакомились предводители прибалтийского дворянства, причем готовившаяся реформа вызвала их глубокое возмущение[128].

---

125. *Там же,* ф. 1282, оп. 2, д. 1396, л. 32-34, 277.

126. *Там же,* ф. 821, оп. 133, д. 1091, л. 140.

127. *Там же,* ф. 1282, оп. 2, д. 1396, л. 71 об.

128. *Там же,* л. 348.

Ограничить влияние остзейского дворянства в экономической сфере призвана была ликвидация т.н. «особых привилегий» собственников дворянских вотчин, сохранявшихся последними в отношении владельцев отчужденных из состава вотчины участков. Объем и содержание этих прав определялись статьями 883 и 892 *Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских*[129]. Традиционная их оценка в историографии (во многом идущая от публицистики того времени) как сословно-политических привилегий прибалтийского дворянства, представляется не вполне обоснованной. В самих статьях 883 и 892 указывалось, что особые права присваивались владельцу дворянской вотчины вне зависимости от его сословия, т.е. обладание ими было связано не с принадлежностью к дворянству, а с владением дворянской вотчиной. Ее владельцем могло быть лицо любого сословия (в данном случае название «дворянская вотчина» все равно продолжало сохраняться). В то же время, процесс перехода данной категории землевладения в руки представителей других сословий не носил массового характера, в связи с чем, осуществление особых прав оставалось, в основном, за дворянством и расценивалось общественным мнением как средство сохранения им политического господства в крае. Хотя, в действительности, особые права не являлись исключительным атрибутом дворянского землевладения, ибо принадлежали, с некоторыми исключениями, также и пасторатам, видмам должностных лиц (землям, предназначавшимся на их содержание), мещанским ленам, имениям городских обществ и благотворительных заведений[130].

Существование особых привилегий сковывало предпринимательскую инициативу населения и являлось препятствием нормальному экономическому развитию края, а также служило постоянным источником нацио-

---

129. Ст. 883: «Особые права, присвояемые собственнику дворянской вотчины в Лифляндии, Эстляндии и на острове Эзеле, независимо от его звания, суть: 1. Право винокурения, пивоварения и продажи пива и съестных припасов, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно с действующими о том постановлениями; 2. право учреждать в пределах имения местечки и открывать, установленным для сего порядком, рынки и ярмарки; 3. право именоваться и подписываться владельцем того имения. Все эти права, принадлежащие исключительно дворянским вотчинам, не могут быть переносимы на продаваемые из них отдельные участки, даже еслибы покупщик был дворянин, кроме тех случаев, когда из такого участка будет учреждена новая дворянская вотчина (ст. 612)».

Ст. 892: «Права, принадлежащие собственнику дворянской вотчины в Курляндии, независимо от его звания суть: 1. право рыбной ловли, охоты и вообще звериной ловли на землях, и в лесах и водах имения; 2. право винокурения и пивоварения, а так же право заводить и содержать корчмы и шинки для продажи пива и других напитков и съестных припасов, соответственно действующим о том постановлениям; 3. право заводить в пределах имения фабрики и учреждать ярмарки, установленным на то порядком». Цит. по: *Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских. Продолжение 1912 г.*, СПб., б.г., сс. 21-22.

130. *Свод местных узаконении губерний Остзейских, указ. соч.*, ч. III, сс. 887, 889, 894, 895.

нальной вражды. За их ликвидацию активно выступала национальная оппозиция. Необходимость отмены исключительных прав признали в 1907 г. все члены Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе.

Государственная Дума не раз уделяла внимание данному вопросу; еще 10.05.1911 г. был внесен проект «60-ти». Его составители высказались не только за ликвидацию статьи 204 Положения о крестьянах Эстляндской губернии 1856 г. и статьи 42 Положения о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г., предоставлявших помещику, в собственности которого ранее находился проданный участок, права его совозмездного отчуждения (т.е. экспроприации за вознаграждение) или присоединения в необходимых случаях: для нужд мелиорации, прокладки путей сообщения и т.д.[131] Руководители ведомств (Главноуправляющий землеустройством и земледелием и Министр юстиции), на заключении которых находился проект «60-ти», дали ему положительную оценку. Поддержал его и П. А. Столыпин, по мнению которого, высказанному в отношении на имя А. В. Кривошеина, предложенная реформа устранила бы неприглядную сторону взаимоотношений сословий в крае[132]. Однако данный проект, в итоге, так и не был рассмотрен Думой.

1.08.1915 г. в четвертую Думу был внесен законопроект за подписью 205 ее депутатов (помимо кадетов свои подписи под ним поставили представители правых). Им предусматривалась отмена особых привилегий собственников вотчин без вознаграждения[133]. Думская комиссия по борьбе с немецким засильем, рассмотрев данное законодательное предположение, признала его желательным[134].

По решению Совета министров 25.09.1915 г. правительство взяло на себя разработку законопроекта[135]. С этой целью при Министерстве юстиции было образовано Особое совещание под председательством А. Н. Веревкина, в которое в качестве членов вошли сенаторы барон А. М. Нолькен, Р. Р. фон Транзеге, П. Н. Милютин, представители ведомств — Министерства внутренних дел, юстиции, земледелия, финансов и Государственной канцелярии, а так же, специально приглашенные лица — присяжные поверенные Ф. В. Альбертс и А. Ф. Окель[136]. В январе–феврале

131. *Приложения к стенографическим отчетам. Гос. дума. Третий созыв. Сессия четвертая 1910-1911 гг., указ. соч.,* т. V, № 603; Положение о крестьянах Эстляндской губернии 1856 г. (*ПСЗ,* II, № 30693.); Положение о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г. (*ПСЗ,* II, № 36312).

132. РГИА, ф. 1291, оп. 65, д. 148, л. 11; ф. 1405, оп. 532, д. 147, л. 43 об; ф. 1282, оп. 2, д. 1243, л. 17.

133. *Там же,* д. 1243, л. 25.

134. *Государственная дума: Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия IV, 3.09.1915–20.06.1916,* Пд., 1916, с. 216.

135. РГИА, ф. 1278, оп. 7, д. 973, л. 62 об.

136. *Там же,* оп. 2, д. 1243, л. 46-50.

1916 г. проект закона «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях» был выработан.

Им ликвидировались особые права собственников дворянских вотчин, которые присваивались всем землевладельцам; они считались существенной и неотъемлемой частью земельного участка и не могли ни устраняться, ни ограничиваться посредством частных соглашений[137]. Частные соглашения, оговаривавшие сохранение за владельцами дворянских вотчин особых прав (как отменяемых, так уже и ранее отмененных) на выкупленные из ее состава участки, прекращались со дня обнародования закона. Так же этим проектом отменялись права, присвоенные владельцам вотчин ст. 204 Положения о крестьянах Эстляндской и ст. 42 Положения о крестьянах Лифляндской губернии по отношению к участкам, выделенным из состава вотчины и перешедшим во владение других лиц. За ликвидируемые права их бывшим собственникам не полагалось никакого вознаграждения[138].

Этот закон вступил в силу 10.07.1916 г. в порядке статьи 87 Основных государственных законов, 3.12.1916 г. был передан на рассмотрение Думы Министром юстиции А. А. Макаровым, ходатайствовавшим о сохранении его в силе, и в свою очередь, 13.12.1916 г. направлен Думой в Комиссию по борьбе с немецким засильем, где остался нерассмотренным[139].

В порядке чрезвычайного законодательства 25.10.1916 г. было ликвидировано право мызной полиции, которое также относилось к числу привилегий прибалтийского дворянства.

Решение о ликвидации мызной полиции было принято под влиянием условий военного времени, в интересах государственной безопасности, а также в связи с намечавшейся реформой общей полиции в империи. Как указывалось в отношении директора Департамента полиции Е. К. Климовича на имя председателя Особого совещания об иностранных подданных и выходцах В. Г. Кондоиди, данный институт обладал серьезным политическим характером, его же практическое значение для охраны правопорядка было крайне невелико[140].

В итоге, из всей серии реформ, намеченной для Прибалтики в этот период, осуществлена была только ликвидация «особых привилегий» собственников дворянских вотчин и права мызной полиции. Ни одна из реформ, направленных на кардинальное преобразование существовавших в крае отношений, разрабатывавшихся в начале XX в., так и не была проведена в жизнь.

Нереализованность серии намеченных для Прибалтики преобразований можно объяснить комплексом причин глубокого характера. Прежде всего сказалась двойственность позиции правительства в отношении реформ,

137. *Там же,* ф. 1276, оп. 12, д. 1028, л. 111.

138. *Там же,* л. 112.

139. *Там же,* ф. 1405, оп. 532, д. 147, л. 524 об., 527; ф. 1278, оп. 7, д. 973, л. 3.

140. *Там же,* ф. 1284, оп. 190, д. 107, л. 49 об.

настоятельная необходимость которых была признана, но законодательное утверждение подготовленных в кратчайшие сроки законопроектов затягивалось. Колебания правительства вызывались вопросом о последствиях преобразований: умаление роли остзейского дворянства полностью соответствовало задачам правительственной политики в крае, но непосредственно связанное с этим усиление влияния прибалтийских народов вызывало его опасения, поскольку оно расценивалось как основа для возникновения автономистских тенденций и роста местного сепаратизма. Свою роль, отчасти, сыграла и думская волокита: так, проект реформы сельского лютеранского прихода около двух лет пролежал в комиссиях Думы и спустя еще полтора года был отозван; закон «О выкупе крестьянской повинностной и арендной земли в имениях, высочайше пожалованных дворянским обществам Прибалтийских губерний» находился в Думе три года, прежде чем был ею одобрен.

Бескомпромиссная позиция, занимавшаяся прибалтийскими дворянскими организациями в отношении реформаторских намерений правительства, также послужила одной из причин того, что эти намерения остались нереализованными. Отношение остзейского дворянства к вопросу о необходимости преобразований в крае, свидетельствовало о недооценке реальной ситуации; его недальновидная и негибкая политика, недостаток либерализма (по словам, Г. фон Пистолькорса, «иллиберализм» дворянства) имели крайне негативные последствия в целом для всех прибалтийских немцев, потерявших свое политическое влияние и вынужденных эмигрировать в 1939 г.[141].

Характеризуя прибалтийскую политику правительства в целом, следует отметить, что ее цели не были достигнуты, а результаты имели эффект обратный ожидавшемуся: они способствовали росту антирусских настроений; среди части прибалтийско-немецкого общества был заметен поворот к ориентации на Германию. Затягивание же с реализацией преобразований вело к еще большему обострению конфликтов в Прибалтике и радикализации требований национальной оппозиции; как продемонстрировали события 1914 — февраля 1917 гг., время для проведения реформ было упущено.

Санкт-Петербургский Институт истории РАН
Петрозаводская ул. 7
197110 Санкт-Петербург

141. G. von Pistohlkors, *Ritterschafliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution*, Göttingen – Frankfurt [am Main] – Zürich, 1978, S. 122.